

К ПОСТРОЕНИЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ: СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

А.А. Чувакин

Ключевые слова: филологическая теория коммуникации.
Keywords: philological theory of communication.

Факт междисциплинарности коммуникативного знания в настоящее время является если не общепризнанным, то широко распространенным. Достаточно сослаться хотя бы на некоторые учебники (учебные пособия) по теории коммуникации (см.: [Основы теории коммуникации, 2003, с. 12; Викулова, Шарунов, 2008, с. 12; Соколов, 2002, с. 19; Яковлев, 2006, с. 8]) и привести названия вузовских учебных дисциплин курсов коммуникативного спектра (таковы, например, философия коммуникации; социология коммуникации; психологическая теория коммуникации; лингвистические основы коммуникативистики; филологическая теория коммуникации и др.). Эта оценка распространяется и на учение о социальной коммуникации¹.

Данная статья входит в цикл общефилологических публикаций автора (см., например: [Чувакин, 2006; Чувакин, 2011; Кощей, Чувакин, 2006]) и ставит своей задачей развитие сформулированного в ряде статей ([Чувакин, 1999; Чувакин, 2009] и др.) тезиса о существовании в системе современного гуманитарного знания филологической теории коммуникации как знания междисциплинарного. Мы отталкиваемся от следующего суждения Г.М. Маклюэна: «...средство коммуникации есть сообщение» [Маклюэн, 2007, с. 9]. Значение этого суждения трудно переоценить, поскольку оно позволяет квалифицировать лингвистическую и – шире – филологическую составляющую коммуникативного знания, являющуюся знанием о средстве коммуникации, не как служебную или не- / малосущественную для учения о коммуникации, но как сущностную. В самом деле, «по Маклюэну», те или иные языковые формы, используемый язык (русский, британский английский, американский английский, алтайский и др.), тот или иной вариант фактуры текста, текстоустройства, речевые и литературные формы и жанры, композиционные формы, наконец те или иные возможности естествен-

¹Наименование «теория коммуникации» далее используется для обозначения учения о социальной коммуникации в единстве его теоретических и прикладных аспектов. Ср.: [Василик, 2004].

ного языка (и текста на естественном языке) взаимодействовать с другими семиотическими системами (и соответствующими текстами) обуславливают прежде всего содержательные (включая и смысловые) различия в информации, «движущееся» между участниками коммуникации. Продолжим цитирование Маклюэна: «...»сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела» [Маклюэн, 2007, с. 10]. Стало быть, филологическое учение о коммуникации находится не на периферии теории коммуникации, а, полагаем, входит в ее ядро.

В статье первой рассматриваются методологические, теоретические и эмпирические предпосылки филологической теории коммуникации.

Методологические предпосылки. Из совокупности важнейших тенденций современной, постнеклассической, гуманитарной методологии назовем две важнейшие – мультипарадигмальность и междисциплинарность: «приоритет должен быть отдан мышлению, опирающемуся на множественные представления об исследуемых явлениях и процессах» [Бермус, 2007, с. 56]; развитие гуманитаризации научного знания предполагает переориентацию «науки с познания объектов-целостностей на объекты-ситуации и объекты-взаимодействия» [Бермус, 2007, с. 57]. Соответственно исследовательская установка, отмечает современный методолог гуманитарной науки А.Г. Бермус, изменяется в следующем направлении: «от научной предметности – к жизненной тотальности» [Бермус, 2007, с. 57].

В русле названных тенденций «узаконивается» возможность рассмотрения коммуникации как междисциплинарного объекта, а междисциплинарность оказывается не недостатком методологии (а именно междисциплинарность нередко вызывает сомнение в полученном результате), но ее преимуществом, которое обуславливается временем и местом исследования. Более того, в таком случае наш объект – коммуникация – приобретает в научном знании статус «открытого», «незавершимого». Так появляется возможность еще одного, филологического, взгляда на коммуникацию, в отличие, например, от лингвистического, который традиционно присутствует в литературе вопроса и задача которого разными авторами усматривается, например, в изучении то проблем вербальной коммуникации [Основы теории коммуникации, 2003, с. 14], информационных каналов [Соколов, 2002, с. 543], то различных видов коммуникации [Викулова, Шарунов, 2008, с. 13]; приведенные оценки означают,

что языку (= языковедению) приписывается вполне ограниченная роль в коммуникации (= в теории коммуникации).

Теоретические предпосылки рождаются в зоне пересечения филологического и коммуникативного знания. Речь идет прежде всего о филологических моделях (теориях) коммуникации и коммуникативных моделях (теориях) языка и литературы, некоторые из которых начали складываться еще до возникновения науки о коммуникации.

В теории коммуникации это филологические модели, или, по терминологии Г.Г. Почепцова, осуществившего краткое описание некоторых из них, модели коммуникации лингвистические, литературные, фольклорные. Таковы, например, лингвистическая модель Р. Якобсона, литературная модель В.Б. Шкловского, фольклорная модель В. Проппа, различающиеся способом структурирования пространства коммуникации [Почепцов, 2006]: в центре первой находятся факторы речевой коммуникации, каждому из которых соответствует определенная функция языка, вторая выдвигает «момент формы», обуславливающий воздействие высказывания, третья – функциональную структуру волшебной сказки как одного из типов текста. Приведенные модели показательны для нас как факт признания теоретической значимости языка и литературы (включая – фольклор) в осмыслении феномена коммуникации. Фактически идея Якобсона послужила базой одной из широко распространенных теоретических моделей коммуникации – информационно-кодовой, модель Шкловского лежит в основе одной из версий риторической (в широком смысле) коммуникации, модель Проппа служит основой исследования коммуникативного пространства текста.

В филологических науках функционируют коммуникативные модели. Из авторов, чьим идеям в XX веке суждено сыграть ключевую роль в осмыслении коммуникативной сущности языка и литературы, укажем хотя бы А.А. Шахматова и М.М. Бахтина. Отвечая на вопрос о сущности предложения, Шахматов связал ее с коммуникацией: «...психологическою же основой предложения является сочетание <...> представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем к о м м у н и к а ц и е й» [Шахматов, 1941, с. 20]. М.М. Бахтин сформулировал сущностную идею коммуникации – диалогичность, предложив ее философско-филологическое толкование [Бахтин, 1994]. Возможно,

в трудах Шахматова и Бахтина, кроются начала русской филологии как коммуникативистики.

Современная филология, если так можно сказать, насквозь коммуникативна. Достаточно только назвать такие направления в филологических науках, как коммуникативная лингвистика, коммуникативная модель риторики, коммуникативная теория текста, рецептивная эстетика, нарратология. Возникает осознание того факта, что в современной филологии (не в отдельно взятых филологических науках и дисциплинах!) складывается коммуникативная парадигма (см., например: [Язык – текст – литература..., 2011]).

Взаимное тяготение филологии и теории коммуникации в приведенных выше зонах их пересечения к концу XX века усиливается за счет сопряжения филологических и коммуникативных наук с семиотикой (гуманитарной семиотикой) и герменевтикой. В данном контексте значима, например, модель коммуникации У. Эко, опирающаяся на идеи семиотики и герменевтики и служащая импульсом в развитии процессов взаимного тяготения филологических и коммуникативных наук. Приведем только одну иллюстрацию. К.Е. Гайер, исследующая теоретические установки У.Эко и их художественную реализацию в романе «Маятник Фуко», утверждает, что семиотическая интерпретация (как герменевтический метод), которая строится на интерпретантах знаков, дает возможность понимать не только тексты одного типа дискурса, но и гетерогенные взаимопроникающие тексты, связанные сетью интертекстуальных отношений; а именно к такого рода текстам относится, например, большинство современных постмодернистских романов [Гайер, 2011, с. 44–48].

Таким образом, возникает и развивается общее пространство филологических и коммуникативных наук.

Его основой выступает фундаментальная значимость для обеих наук человека. Ср.: «...интерес, которого заслуживает человек говорящий, в будущем только возрастет. Быть может, лингвистике, при условии, что, изучая язык, она будет считать подлинным своим предметом человека, суждена блестящая будущность, как и другим гуманитарным наукам, с которыми <...> она связана глубинными связями» [Ажеж, 2003, с. 280]. Именно интерес к человеку служит основой складывания коммуникативных теорий филологии и филологической теории коммуникации. В том и другом случае фигура человека выступает в многообразных проявлениях: как говорящий / слушающий, автор / читатель, адресант / адресат, коммуникант-1 / коммуникант-2 и др., что не случайно: фигура человека есть

решающий фактор «человекоразмерности» (выражение акад. Ю.С. Степанова) языка и коммуникации, текста и сообщения. В данном контексте напомним тезис Аристотеля – создателя первой дошедшей до современности коммуникативной модели риторики: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается (я разумею слушателя)» [Аристотель, 1978, с. 24].

Общее пространство филологических и коммуникативных наук составляет ряд методологических и теоретических положений и отчасти – понятийно-терминологический аппарат.

Прежде всего это принцип деятельностной природы человека, одинаково значимой и для филологических, и для коммуникативных наук на современном этапе их развития.

В филологии он входит в базу, на которой конституируется homo loquens (HL) как исходная реальность и объект филологии. Позволим себе привести пространную выдержку из публикации, открывшей первый номер журнала «Филология и человек»:

«...HL как исходная реальность филологии может быть выделен из реальности бытия человека только на основе интеграции этих /приведены в цитируемом тексте. – А.Ч./ идей: деятельностная природа человека обусловливает активность его как HL и изменчивость всех процессов, форм и продуктов деятельности; знаковая теория знания предполагает опосредование всех действий HL; символическая природа человеческого сознания обеспечивает взаимодействие креативных и репродуктивных начал в деятельности HL; понимание экзистенциальной природы человека задает открытость и незавершенность HL; наконец новые основания человеческой социальности (коммуникативность) требует от HL противодействия «экстазу коммуникации» (Ж. Бодрийяр). Из этого следует, что HL есть особая реальность, существенными гранями которой являются способность к символизации и абстрагированию, коммуникативные, языковые и речевые способности, деятельность по сопряжению мысли, слова и действия (символа – знака – предмета), что опирается на всю сумму опосредований (социально-исторических, культурологических, ментальных, психологических; бессознательного и сознательного; материальных и духовных; знаковых и символических). В рамках филологических наук возникает возможность построить понимание современного человека – HL – как сложного, многофункционального и противоречивого единства, отличающегося стремлением к пониманию “чужих” смыслов и сокрытию “своих”, к коммуникатив-

ному сотрудничеству с себе подобными и “братьям по разуму” и уклоняющемуся от такового, открытого для диалога и прячущегося в глубинах аутодиалога, “схваченного” (человека) в процессах его ментальной, языковой и речевой деятельности» [Кошей, Чувакин, 2006, с. 15–16].

В коммуникативных науках принцип деятельностной природы человека является основой современного представления о коммуникации как деятельности человека, опосредованной символами и, по Хабермасу [Хабермас, 2000], опирающемуся на строгие нормы, которые, как замечает Б.В. Марков, интерпретирующий концепцию германского ученого, признаются сообществом совместно живущих и общающихся между собою людей [Марков, 2000, с. 296]. Если оставить в стороне приведенное указание на нормы (Б.В. Марков: «...человеческое поведение все дальше отходит от системы норм, сформировавшихся на моральной основе»), то вычленяется деятельностная сущность коммуникации как производное от деятельностной природы самого человека. Сказанным обуславливается сущность коммуникации как деятельности, уже явленная в многочисленных исследованиях – при выдвигании на первый план разных граней человека, его способностей к коммуникации вербальной и невербальной, к разным видам той и другой, к разным способам их взаимодействия².

В общем пространстве филологических и коммуникативных наук существенное место принадлежит принципам исследования, реализация которых создает принадлежность исследования и его результатов тем и другим наукам одновременно.

Таков, например, принцип коммуникативности, на базе которого на рубеже XX–XXI веков выстраивается ряд коммуникативных моделей – текста, жанрообразования, внутреннего мира художественного текста и др.

Принцип коммуникативности как специальнаучный в теории текста определяет направление построения предмета теории текста. Из признания коммуникативности текста высшей его категорией, в наиболее общем виде фиксирующей «многофакторную обусловленность текста как системы, его интегративное качество и динамический принцип организации» [Сидоров, 1987, с. 3], вытекает возможность рассмотрения оппозиции *текст – среда* именно на коммуни-

² Обзор теоретических моделей коммуникации см., например: [Макаров, 2003].

кативной основе, базовые параметры такого рассмотрения и их наполнение³.

На сопряжении специальнонаучного принципа коммуникативности и общенаучного принципа системности построена коммуникативная модель текста в [Теория текста, 2010; Текст в коммуникативном пространстве, 2011] и ряде диссертационных работ, выполненных под руководством автора настоящей публикации.

Другие варианты использования принципа коммуникативности представлены в исследованиях Е.А. Савочкиной, которая, учитывая взаимодействие принципов коммуникативности, филологичности и звocatивности, разработала модель жанра юридического триллера как некоего формата литературного дискурса [Савочкина, 2007], и Е.В. Демидовой, на основе сопряжения принципов филологичности, системности и коммуникативности предложившей способ изучения внутреннего мира художественного текста при переводе [Демидова, 2011].

Наконец обратимся к факту развития в филологических и коммуникативных науках общего понятийно-терминологического аппарата. Речь идет не об отдельных и редких понятийно-терминологических совпадениях, а об интенсивном процессе образования общего понятийно-терминологического поля. Приведем некоторые из терминов, зафиксированных в трех (редко – в двух) энциклопедических изданиях ([Лингвистический энциклопедический словарь, 2008; Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003; Эффективная коммуникация, 2005]): *коммуникация, общение, речь, внутренняя речь, диалог, монолог, диалогическая речь, монологическая речь, устная речь, письменная речь, высказывание, сообщение, текст, жанр, жест, смысл, понимание, интерпретация, дискурс, знак, символ, миф, герменевтика, семиотика, риторика, адресат, говорящий, автор / образ автора, читатель, языковая личность, культура речи, языковая норма, лингвистическая прагматика, перевод*. В содержании понятий, обозначаемых одним и тем же термином, могут иметь место определенные различия, но они не столь велики, чтобы та или иная отрасль науки / отдельная наука создала к настоящему времени новые, собственные термины.

Итак, можно констатировать, что теоретический базис филологических и коммуникативных наук на современном этапе их развития во многом если не совпадает, то оказывается интегрированным.

³ Более подробно см. в работе: [Чувакин, 2004].

Названный процесс служит одной из основ рождения филологической теории коммуникации.

Эмпирические предпосылки составляют прежде всего такие факты, явления, процессы коммуникативной жизни общества, которые еще не получили своего объяснения в теории коммуникации и / или в филологии или имеют объяснение частичное.

Во-первых: повышение роли «посредников» в коммуникации. Из числа «посредников» укажем, по крайней мере, два: переводчика и технологические средства (компьютер, мобильный телефон и под.).

Так, рассматривая действие фактора переводчика в варьировании внутреннего мира художественного текста при переводе рассказов В.М. Шукшина на английский язык, Е.В. Демидова отмечает следующие направления варьирования: искажение «внешнего облика» предметного мира рассказа, его функционального содержания; искажение пространственно-временных параметров; изменение (сужение) объема эстетических функций его компонентов; изменение смыслового объема компонентов (введение дополнительных оценочных коннотаций). [Демидова, 2011, с. 186].

Из технологических средств наиболее влиятельными в наше время являются Интернет и мобильный телефон, обусловившие создание новой фактуры текста, новый вид коммуникации, что в принципе меняет – вновь сошлемся на Г.М. Маклюэна – масштаб, скорость и форму как коммуникации, так и человеческих дел.

Приведем иллюстрации: 1) условия интернет-коммуникации расширяют, сравнительно с устной и письменной коммуникацией, культурную рамку, ограничивающую использование речевых средств, необходимых для ведения эффективной коммуникации [Чувакин, Шмаков, 2010];

2) использование мобильного телефона меняет структуру телефонного диалога. Как отмечает У.Эко в предисловии к книге М. Феррариса «Ты где? Онтология мобильного телефона». М., 2010, «по городскому телефону спрашивают, на месте ли тот, кому мы звоним, а в случае с мобильным и без того понятно, кто подойдет к телефону (если он не украден) и здесь ли он (что меняет положение о неприкосновенности частной жизни). Зато раньше мы твердо знали, где находится тот, с кем мы говорим по телефону, тогда как сейчас в разговорах всегда возникает вопрос: “Ты где?”» [Эко, 2010, с. 7–8]. Впрочем, как подчеркнул У. Эко, «где находимся мы оба», всегда известно телефонной компании.

При этом базовым «языком коммуникации» остается естественный человеческий язык. Прибавим, что, как полагают создатели проекта «А-я-яй.ру (www.iii.ru)», «через некоторое время все мы будем общаться с компьютерами на естественном языке» (<http://iii.ru/about>). Если так будет, то естественный язык окажется еще более тесно «вплетенным» в язык компьютерный.

Во-вторых: усиление взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации при одновременном расширении круга невербальных компонентов. В связи с этим возвращается идея, высказанная в Тезисах Пражского лингвистического кружка (ПЛК), о том, что «В функции речевой деятельности как средства общения следует различать два центра тяготения: один, при котором язык является «ситуативным языком» (практический язык), то есть использует дополнительный внелингвистический контекст, и другой, при котором язык стремится образовать наиболее замкнутое целое с тенденцией стать точным и полным, используя словатермины и фразы-суждения (теоретический язык, или язык формулировок)» [Пражский лингвистический кружок, 1967, с. 251]. Но конец XX–XXI веков дал многообразный и обильный материал взаимодействия в актах коммуникации средств разных семиотических систем (естественного языка и других языков), результатом которого стали тексты и теоретического, по терминологии ПЛК, языка. Таковы, например, тексты газетных рекламных объявлений [Бровкина, 2000], агитационных листовок [Мамаев, 2004], политических плакатов [Магера, 2005], рекламы недвижимости и риэлторских услуг [Манянин, 2007], глянцевого журналов [Сим, 2009], интернет-коммуникации и мн. др.

Хотя сам названный факт филологии и коммуникативным наукам известен давно, необходимость его объяснения в наше время вызвала к жизни развитие в филологии, преимущественно в лингвистике, коммуникативно-прагматических исследований, новый категориально-понятийный аппарат (преимущественно коммуникативного спектра); таковы понятия смешанной коммуникации [Чувакин, 1995, с. 27–30], креолизованного текста [Анисимова, 2003] и др. Вместе с тем в обобщающих трудах по теории коммуникации вербальная и невербальная коммуникация рассматриваются все еще преимущественно раздельно, что не способствует познанию единого «тела» текста в процессах коммуникативной деятельности НЛ.

В число эмпирических предпосылок входит и развитие коммуникативного образования в процессе подготовки по многим направ-

лениям высшего и среднего профессионального образования. Так, Федеральные государственные образовательные стандарты подготовки бакалавра и магистра по направлению «Филология» (ФГОС) ввели в число объектов профессиональной деятельности выпускника, наряду с традиционными языком и художественной литературой, еще два: (а) различные типы текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов); (б) устную и письменную коммуникацию. Соответственно этому ФГОС подготовки бакалавров филологии предусматривает изучение блока коммуникативных дисциплин, который открывается новой дисциплиной – введением в теорию коммуникации. Ее главная задача заключается в том, чтобы «дать студентам первоначальное представление о теории коммуникации как филологической дисциплине, находящейся на пересечении филологии и других наук – гуманитарных и естественных – и изучающей человека в его коммуникативном отношении к другим людям, обществу, самому себе, миру; о научных основах теории коммуникации; научить студентов применять полученные знания в процессе теоретической и практической деятельности с коммуникацией и текстом (сообщением, по Г.О. Винокуру)» [Чувакин, Чернышова, Качесова и др., 2009, с. 175]. Содержание ФГОС и программы учебной дисциплины в целом свидетельствует о возможных направлениях теоретической и прикладной коммуникативной подготовки филологов⁴, и это предполагает дальнейшую разработку общего пространства филологических и коммуникативных наук с акцентом на исследование коммуникации «глазами» филолога, что безусловно стимулирует развитие филологической теории коммуникации.

Приведенные факты расширяют «сопряженную» эмпирическую базу филологических и коммуникативных наук, требуют осмысления в русле единой теории объекта, возможность построения которой определяется тем, что и филология, и теория коммуникации имеют общую основу: этой основной является человек со специфически человеческим инструментом общения – естественным языком.

Литература

Ажеж К. Человек говорящий : Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003.

⁴ Более подробно см. в работе: [Чувакин, 2009. Часть 1].

- Анисимова Е.Е. Лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
- Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978.
- Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бермус А.Г. Введение в гуманитарную методологию. М., 2007.
- Бровкина Ю.Ю. Газетное рекламное объявление как речевой жанр: риторический аспект : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
- Василик М.А. Наука о коммуникации или теория коммуникации? К проблеме теоретической идентификации // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
- Викулова Л.Г., Шарунов А.И. Основы теории коммуникации : практикум. М., 2008.
- Гайер К.Е. Учение У. Эко о семиотической интерпретации текста и его художественное воплощение в дискурсе персонажа (на материале романа «Маятник Фуко») // История славянской культуры. Барнаул, 2011.
- Демидова Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
- Савочкина Е.А. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- Кощей Л.А., Чувакин А.А. Номо loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы // Филология и человек. 2006. № 1.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2008.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003.
- Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2005.
- Макаров М.Ю. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Маклюэн Г.М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека. М., 2007.
- Мамаев Н.Ю. Композиционная структура агитационной листовки: лингвориторическое исследование : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Манянин П.А. Аргументативно-синтаксическая структура газетного рекламного текста : коммуникативный аспект (на материале рекламы недвижимости и риэлторских услуг) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- Марков Б.В. Мораль и разум // Ю.Хабермас Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Основы теории коммуникации / под ред. А.М. Василика. М., 2003.
- Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., К., 2006.
- Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Сидоров Е.В. Основы современной концепции текста : автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1987.
- Сим О.А. Лингвоэвокационное моделирование дискурса глянцевого журнала (на материале журнальных текстов на английском и русском языках) : дис. ...канд. филол. наук. Барнаул, 2009.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
- Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.
- Теория текста / под ред. А.А. Чувакина. М., 2010.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.
- Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1999. Вып. 3.

Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009.

Чувакин А.А. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 2.

Чувакин А.А. Основы филологии. М., 2011.

Чувакин А.А. Риторика в пространстве теории коммуникации // Проблемы современного коммуникативного образования в вузе и школе. Новокузнецк, 2009. Часть 1.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте : основы эвokasiонного исследования. Барнаул, 1995.

Чувакин А.А. Теория текста : объект и предмет исследования // Критика и семиотика. Новосибирск. 2004. № 7.

Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Качесова И.Ю., Кощей Л.А., Панченко Н.В. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина : программа и ее возможная интерпретация // Филология и человек. 2009. № 1.

Чувакин А.А., Шмаков А.А. Коммуникативная модель риторики: ее специфика в интернет-среде (к постановке проблемы) // *Ars interpretationis*. Барнаул, 2010.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Эко У. От мобильного телефона к истине // М. Феррарис Ты где? Онтология мобильного телефона. М., 2010.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика : Словарь-справочник. М., 2005.

Язык – текст – литература : коммуникативная парадигма. Барнаул, 2011.

Яковлев И.П. Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб., 2006.